

КОГДА ПОЕТ ВАШ БЛИЗКИЙ ДРУГ

ВСЕ-ТАКИ это страшно, когда женщина берет оружие. У всех народов она—это сама жизнь, продолжение жизни. И вдруг—оружие... Но ведь были ж когда-то амазонки. У французов Жанна д'Арк. Была старостиха Василиса. А уж если вспомнить Великую Отечественную...

— «Вай, ванодрю...»

Звук—это не мазок кисти. Он не изображает. Он передает чувство. А этот «ключик» открывает потайную дверцу, и вот уже и видит человек, и чувствует так сильно... Словно перед вами могучий лес, стихия, способная ни много, ни мало, а все переделать.

И странное дело. Вы помните, что вы в театре. Что перед вами артистка, что она поет. Но откуда же это ощущение сопричастности, заинтересованности, откуда ваше волнение...

Голос звучит то мощно, «полетно», то сдержанно. А слышите все время страстное стремление к правде.

Да, и у других народов бывали героини. Но такой не было. Литова есть Литова. В ней бьется недевическая сила, разумная страсть к свободе...

Рецензии, рецензии. В разных газетах, о разных партиях. И везде одно и то же имя — Раиса Макаровна Беспалова.

— Вот, смотрите... Рецензии.

Звучит в голосе певицы тайная нотка, что вот, мол, осталось от спектакля, партии, образа...

Мы сидим в гримировочной. Как и весь театр, когда в нем лишь кое-где светят дежурные лампочки, гримировочная вся какая-то притихшая, немного печальная. Как-то особенно ощущается мимолетность театрального искусства. Был спектакль, ярко горели огни, шумел зал. И вот ничего нет...

Вы помните андерсеновскую сказку о Снежной королеве? Злое зеркало, разбившись вдребезги, могло попасть в глаз или сердце. И оно становилось холодным, как лед, как сердце эгоиста. Беде может помочь тепло искусства. Искусство согревает в сердца тепло понимания жизни. И оно живет там, согревая, являясь миру в поступках человечности.

— Вот смотрите... Рецензии... — Раиса Макаровна улыбается. Мы пытаемся восстановить — как же складывался образ Литовы. Зачем? Чтобы понять. В каждом из нас с детства сидит тот чертенок, который заставляет заглянуть в «нутро» игрушки: как сделано?

Но искусство тогда поймешь лучше всего, когда где-нибудь в зале театра подхватит тебя очарование... В первое мгновение вы несколько растеряетесь. Кажется, на сцене нет никого, от кого мог бы исходить голос такой силы. Но достаточно вам увидеть эти глаза, чтобы вы сразу поняли, кто поет.

Тогда, в пятьдесят девятом, когда Беспалова только пришла на сцену оперного театра Саранска, она сразу заявила о себе, как о художнике, которому доступно сокровенное в каждом характере. С тех пор сила эта многократно приумножилась...

Да, выпрашивать любовь нельзя. Это унизительно для обоих. Но ведь он не виноват в том, что любит. А она также не виновата — разлюбила. Что же... значит, он тогда должен уважать ее чувство... А впрочем, какое мне дело до всей этой истории и этой женщины... Испанская цыганка... И как давно все это было...

Да, целый цикл стихов ей посвящал Александр Блок: «Кармен». Страсть, страсть. Нет, дело не в страсти, хотя и не обошлось без нее. «Бубен весны!» Есть и такое. Как же так: светло и победно звучит, а прочтешь стихи — трагическое вплотную подступает, как ночь за окном... Не скучная унылая однообразность, а клубок противоречий — жизнь.

И все-таки дело не в страсти. Слышите, какие в голосе Кармен звучат нотки. Своеволье гордого сердца? Да дело, конечно, не в любви, нет, не в цыганских страстях. Свободный человек — это прекрасно. Вот что утверждает Кармен.

То есть, конечно, не Кармен, а актриса. Путь к этому сложен и порой мучителен. И никогда не похож на предыдущий, к другому образу! Каждый раз по-новому. Ну, «в общих-то» чертах, в принципе есть схожее. А в особенностях — неповторим.

Дают партию. Разучивание идет с концертмейстером, это чаще всего заслуженная артистка МАССР В. Н. Рупышева. Часов 12—15 тратится на большую партию. Певица выучивает и все «реплики» партнеров—когда и кто вступает... Потом дирижер принимает партию. Начинаются спевки солистов, потом с хором под фортепьяно, потом с оркестром.

Вот здесь на сцене, в непосредственном общении с партнерами и достигается главное — начинается складываться образ. А завершается работа над ним уже вместе со зрителем. Вот, собственно, и все. Но чтобы это «все» получилось как надо, потребовалась вся жизнь. Ибо в создании каждого вокального и сценического образа участвуют и теплые вечера родного Курилова с его песнями, и волжские закаты, и уроки в Саратовской консерватории,

и тысячи других впечатлений, которые «схватила» эмоциональная память актрисы и сохранила где-то для будущего...

Нина? Так это ж не опера. «Севастопольский вальс». И образ отрицательный... Чем-то все же она привлекает. Чем же? Как понять эту женщину, столь опрометчиво поступившую? Если ее поймет актриса, ее поймет и зритель, хотя расстояние между этими «пониманиями» может остаться и непреодоленным. Большое искусство нужно для того, чтобы понятое артистом было понятно и зрителю...

— Очень много писем. Особенно из сел. Есть и просьбы. Вот об электрификации, или о шифере для кровли. Вместе с двумя бывшими учениками помогли Ксении Александровне Корзюковой, педагогу нашему из Саратова. Да мало ли еще что. Депутату дел хватает.

Искусство всегда питалось живительными соками жизни. И, конечно, не только тогда, когда актриса «изучает» жизнь. А главным образом, тогда, когда просто живет на свете, выполняет депутатские обязанности, воспитывает детей, спорит с мужем.

— Я Нину в Севастопольском вальсе» играла просто вот, как человека, совершившего ошибку. Не хочется Нину совсем «отрицательной» делать. Так она ближе и понятнее людям, которые ведь не одна сплошь добродетель.

— Полюбила я Чипру («Цыганский барон»). Мудрая благородная старуха. Как строго она воспитывает Саффи. А что она Баринкаю говорит? Сколько в этом человечности.

Да, у народа выработался весьма строгий, иной раз жесткий порядок в жизни, во взаимоотношениях людей. В семье Беспаловых строго было, ой, как строго. «Баловства» не разрешал отец. И Раиса не хотел пускать в искусство.

Вот какая связь длинная-длинная между Чипрой и крестьянской семьей Беспаловых. Вот почему так естественна и человека Чипра, вот почему всему, что она говорит, веришь: правда. Это те самые «соки жизни» крестьянской, народной семьи, преломившись через душу актрисы, стали образом на сцене. Понятно, что искусство «приложило руку» к этим «сокам жизни», возвело их в новую ступень—ступень художественной правды.

— Нет, нет. У тебя все хорошо, вот только здесь, вот послушай...

Раиса Макаровна показывает, «как надо петь», как научиться владеть весьма совершенным инструментом—голосом.

— Еле-еле «ми» брала, а сейчас уже «до» одолели.

Рассказывать об этом Раиса Макаровна не очень любит. Ведь и учение тоже сродни творчеству, а оно стыдливо. Его «тайны», «секреты» слишком связаны с личным в каждом исполнителе. Об этом даже с друзьями говорят очень сдержанно. Скарпель аналитичен, но ведь и ранит легко—чуть неумело поверни.

— Вяжай? Здесь и отрицательно много и положительное есть... Опера Леонтия Петровича Кирюкова «Нормальня»... Надо просто вжиться в образ, сделать своим все, до последней нотки. Тогда и появится то, что вы называете образом.

— Литову люблю. Всегда пою в концертах. А сколько с нею мы объехали городов на гастролях. Сибирь, Горький, Волгоград.

— Хорошо бы Любашу в «Царской невесте» спеть... опера...

В голосе звучит явное сожаление о том, что опер все же мало ставится. Сгустились над театром тучи «синтетического театра». По идее вроде бы интересно: «раскрепостить» актера. Сделать оперного певца актером драматическим, а артистов балета научить говорить. Не плохо. Наоборот—не получится. Голос все-таки ставят в консерваториях пять лет, если есть что ставить, разумеется. Другое дело, что каждый артист должен быть пластически выразителен, чувствовать ритм, уметь управлять собой в этом заданном ритме. Но подготовить артиста-универсала — это можно лишь, начиная с учебного заведения, а не с театра. Так у нас и получилось. Принесло свою пользу исполнение роли Нины, Сильвы, Илоны, Людмилы для певицы. Но ее стихия—опера. Именно здесь на просторах настоящего синтетического искусства есть где развернуться актрисе с таким чудесным голосом, с таким чутким сердцем, с такой богатой жизнью. Ведь стоит ей только захотеть, и перед вами пройдут люди необыкновенной судьбы, ярких характеров, рожденные удивительной силой, имя которому—искусство.

Все, о чем мы говорили, пытаюсь набросать хоть немного похожий образ артистки, вместились в скупые строки Указа Верховного Совета РСФСР: «За заслуги в области театрального искусства присвоить почетное звание Заслуженной артистки РСФСР Раисе Макаровне Еремеевой-Беспаловой — артистке Мордовского музыкально-драматического театра».

Н. ШИБАКОВ.

Советская Мордовия
Г. Саранск

11 МАЯ 1966